

УДК 340.12

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ УЧЕНИЯ О ПРАВОТОЛКОВАНИИ В НЕМЕЦКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ XIX В.

Струнский А. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается эволюция представлений о правотолковании в немецкой правовой доктрине в XIX в. Проанализированы труды представителей различных направлений немецкой юриспруденции, в частности: исторической школы права, юриспруденции понятий, юриспруденции интересов и неокантианства. Также уделено внимание и научной литературе на русском и английском языке по данному вопросу. Обозначены основные тезисы различных школ права по вопросу правопонимания и правотолкования, а также рассмотрены основные методологические установки и приемы толкования. Указывается на имеющиеся противоречия между различными правовыми направлениями, в особенности между юриспруденцией понятий и юриспруденцией интересов. В заключении автор высоко оценивает немецкую юриспруденцию XIX в. за ее огромный вклад в развитие учения о правотолковании и обозначает взаимосвязь немецкой правовой доктрины с современными европейскими представлениями на интерпретационную деятельность судьи.

Ключевые слова: правотолкование, историческая школа права, юриспруденция понятий, юриспруденция интересов, неокантианство, Германия, доктрина права

Немецкая юриспруденция и философия права начиная с XVIII в. оказывали большое влияние на развитие всей европейской правовой науки. Наверное, будет трудно переоценить то влияние, которое И. Кант оказал на европейскую юриспруденцию в XVIII в., точно так же невозможно недооценивать влияние Ф. Савиньи, Г. Пухты, Б. Виндшейда, Р. Иеринга, Р. Штамллера и др. немецких юристов XIX в. на европейскую юриспруденцию в целом. Целью настоящей статьи является рассмотрение эволюции взглядов на правотолкование в немецкой правовой доктрине на основании трудов наиболее выдающихся юристов XIX в. Изучение вопроса предполагает исследование не только методологии правотолкования, но и места учения о правотолковании в системе той или иной правовой концепции, что позволит более всесторонне проанализировать развитие подходов к правотолкованию в немецкой правовой доктрине, а также выявить взаимосвязь современных представлений о правотолковании с идеями, высказываемыми немецкими правоведами в XIX в.

Важнейшей фигурой немецкой юриспруденции XIX в., безусловно, является Ф. Савиньи – основатель исторической школы права, которая обозначила научную парадигму немецкой юриспруденции почти на целое столетие. Юридическая наука XIX в. не просто находилась под сильным влиянием исторической школы права и пандектистики, она представляла собой дискуссию вокруг тех идей, которые выдвинул Ф. Савиньи и его последователи.

Отвергая присущий эпохе Просвещения взгляд на право, как на самостоятельный результат конкретной исторической эпохи, представители исторической школы права, напротив, пытались соединить действующее настоящее право со старым [1, с. 297–298]. Подобно языку, религии, морали, обычаю и другим аспектам чело-

веческого бытия, право объявлялось по своему устройству изначальным атрибутом человека, а по своему развитию – продуктом истории. При этом, идея права, по мнению представителей исторической школы права, воплощается не в одном абстрактном мировом праве, а в конкретных правовых образованиях человеческих сообществ, прежде всего в нации [2, с. 18].

Центральное место в исторической теории права занимает «Народный дух» (Volksgeist), под которым понималась исторически обусловленная правовая идейная традиция и который признавался творцом права. Сначала он существует в правовом обычае – древнейшей форме права, а затем продолжает свое существование в научном праве и в законодательстве.

Как верно отметил В. Нерсесянц, намерение превзойти понимание права как произвольной людской выдумки, застывшего неизменного постулата природы и дать трактовку правовых институтов как закономерного исторического продукта общественной жизни заслуживает всяческого одобрения. Однако тут же он критикует историческую школу права за то, что в основу развития права она ставит метафизическое понятие Народного духа, которое предвосхищает последующее развитие права [3, с. 413–415]. И тут следует согласиться с мнением Э. Аннерса, что «...Савиньи – как в свое время Гроций – личность переходного периода; его «ноги» – в разных лагерях» [1, с. 300].

Тоже можно сказать и про подход Ф. Савиньи к толкованию права, оно для него является искусством, которое невозможно передать или приобрести через правила [4, с. 389]. При чем под собственно толкованием ученый понимал лишь доктринальное толкование, т. е. свободную или научную деятельности. Легальное же толкование, по мнению Ф. Савиньи, является по своей сути созданием новой правовой нормы и не может считаться толкованием в том смысле, в каком его понимает ученый. Подобных взглядов придерживались и другие представители исторической школы права, например Г. Пухта [5, с. 47] и Б. Виндшейд [6, с. 47–48].

Основное внимание Ф. Савиньи сосредоточил на вопросе толкования законов, под которым понимал деятельность, направленную на «осознание истины закона». Вторя своему учителю Г. Пухта утверждал, что толкование – это «деятельность направленная на открытие и уяснение разума закона... Эта деятельность имеет характер заимствования: она прямо направлена на простое усвоение того правила, которое хотел выразить законодатель в разъясняемом законе» [5, с. 46]. Толкователь должен был мысленно ставить себя «на место законодателя и искусственно воспроизводить в себе его деятельность» [4, с. 390]. Такой подход к толкованию законов получил в немецкой правовой доктрине название «субъективной» концепции толкования.

Тут важно отметить, что сам Ф. Савиньи различал содержание закона, выражавшее волю законодателя, и основание закона (ratio legis). Если первое являлось предметом толкования, то второе, по мнению ученого, выходит за его рамки [4, с. 392–393]. Исторически под ratio legis понимали либо высшую правовую норму, то есть высшую справедливость (aequitas), либо цель закона [7, р. 96–99]. Познание основания закона в предыдущие века широко применялось при толковании законов и правовых норм и составляло сущность так называемого телеологического подхода к толкованию, при этом Ф. Савиньи указывает на большую опасность применения основания закона при его толковании и признает такой способ по общему правилу

недопустимым, а если толкователь вынужден к нему прибегнуть для истолкования неопределенного выражения в тексте закона, то применение такого способа должно зависеть от степени достоверности основания и от степени его родства с содержанием.

Процесс толкования Ф. Савиньи раскладывал на четыре элемента: грамматический, логический, исторический и систематический. В концепции ученого эти элементы не являлись отдельными видами толкования, а лишь составными элементами единого метода толкования, которые толкователь должен был использовать в совокупности, чтобы познать истину закона [4, с. 390–392]. При этом следует немного подробнее остановиться на двух последних элементах.

Исторический элемент состоял в уяснение того нового, что было добавлено в право посредством толкуемого закона, необходимо было установить правовое состояние, существовавшее в момент принятия толкуемого закона и понять, как закон это правовое состояние изменил. Систематический элемент должен был отобразить связи толкуемого закона со всей системой права. Так как законодатель представлял себе исторический элемент и связь закона со всей системой права, то и толкователь, уяснив исторические обстоятельства и логические связи закона, сможет понять его истину [4, с. 391].

Нетрудно заметить, что подход Ф. Савиньи к толкованию балансирует на грани между собственно толкованием и правотворческой деятельностью. Ученый выделяет два случая неудовлетворительных законов, которые могут вызывать сомнения при их толковании: неопределенность выражения и неправильность выражения (когда текст закона не соответствует его истинной идеи). Относительно второго вида толкования Ф. Савиньи допускал ограничительное и расширительное толкования, при чем такая деятельность будет толкованием лишь в том случае, если она направлена «на приведение в соответствие выражения с истинной мыслью закона» [4, с. 401].

Ученый также предлагает три вспомогательных средства для разрешения таких случаев: внутренняя взаимосвязь законодательства, связь закона с его основанием и внутренняя ценность закона. Первое средство, которое должно базироваться на системном подходе к законодательству, Ф. Савиньи дополняет требованием о том, что законы, используемые для толкования неясного законодательного положения, должны «стоять перед глазами» законодателя и «дополнять его мысль». Второе средство опять отсылает нас к телеологическому толкованию, при чем даже при отсутствии «родственного основания» закона, ученый допускал использование общего основания (*aequitas*). Третье средство состояло в поиске наиболее целесообразного и разумного толкования из вариантов, полученных предыдущими средствами. Следует отметить, что эти средства необходимо было использовать последовательно. Таким образом, последующее средство применялось только в том случае, если текущее средство толкования не давало удовлетворительного результата [4, с. 400–406].

Проиллюстрированные выше воззрения Ф. Савиньи на толкование законов еще раз подтверждают его непоследовательность и переходный характер учения. Попытку добавить учению Ф. Савиньи научной точности предприняли Г. Пухта, Б. Виндшейд и другие пандектисты. Они в вопросе правотолкования придерживались взглядов Ф. Савиньи, за редкими исключениями. Например, Г. Пухта вовсе

исключал расширительное и ограничительное толкование, а Б. Виндшейд хоть и признавал расширительное и ограничительное толкование, полностью исключал изменительное толкование, хотя, как и Ф. Савиньи, допускал неправильность выражений в законе [6, с. 52–53]. Однако эти незначительные отличия не мешают нам говорить о том, что представители исторической школы права придерживались субъективной концепции правотолкования, а их воззрения на деятельность по толкованию права в теоретическом плане были близки.

В произведение «Смешное и серьёзное в юриспруденции» Р. Иеринг применил к деятельности Г. Пухты и многих других немецких ученых-теоретиков термин «юриспруденция понятий» (Begriffsjurisprudenz), который в современной правовой науке Германии понимается в двух значениях: во-первых, ограниченность права системой законодательства, которая не берет в расчет особенности юридической практики, особенно социальных и индивидуальных особенностей дела; во-вторых, слепая вера в неизменную концептуальность кодифицированного законодательства – вера, вызванная в основном общей научной парадигмой XIX в, ориентированной на естественные науки. Идеи, высказываемые концептуалистами, во многом предвосхищали фундаментальные положения позитивизма Г. Кельзена [8, р. 462–463].

Однако термин юриспруденция понятий вовсе не согласуется с воззрениями Г. Пухты на право, ведь не стоит забывать, что именно он ввел в научный обиход термин Народный дух, также он полностью разделял воззрения Ф. Савиньи на природу права. Термин юриспруденция понятий относится лишь к догматическому исследованию права, которое концептуалисты отделили от его исторического исследования [9, с. 125–126]. Юриспруденция понятий возвела формально-догматический метод работы с правовым материалом на совершенно новый уровень.

Правовые понятия и их обработка занимали центральное место в юриспруденции понятий. Тут следует уточнить, что предметом исследований немецких правоведов в основном выступало римское право, которому ученые пандектисты попытались придать стройную форму. Как высказывался Д. Рене: «В тот период, когда французские юристы занимались толкованием своих кодексов, немецкие юристы продолжали работы университетов над текстами римского права» [10, с. 54].

Научная обработка древнеримских юридических текстов состояла не только в их толковании или, как выразился бы Б. Виндшейд и Р. Иеринг, в низшей юриспруденции, но и в высшей юриспруденции, которая состояла в формировании упорядоченной системы правовых институтов и положений [11, с. 65]. Основным элементом этой системы были понятия, а основными приемами юридической техники выступал юридический анализ, логическая концентрация и юридическая конструкция. Краткое описание этого инструментария можно найти у Б. Виндшейда, более подробно его описывает Р. Иеринг [6, с. 55–57; 11, с. 33–105].

Среди средств достижения простоты работы с правом Р. Иеринг называет систематическое расположение материала, чем и занимались немецкие юристы в XIX в., а центральное звено этой классификации занимали понятия. Как выразался Р. Иеринг: «...систематическая классификация является родословным деревом понятий» [11, с. 29]. Р. Иеринг выделяет самостоятельные и несамостоятельные понятия. Самостоятельные понятия – это те, которые могут «...без содействия каких-нибудь

других понятий принять конкретную форму... <...> ...элементы самостоятельные касаются всегда лишь какого-нибудь специального отношения, они ограничены в пространстве, локализованы» [11, с. 46–47], например, договор купли-продажи, сервитут. Несамостоятельные понятия «...наоборот, достигают своего осуществления только в понятиях первого рода... <...> ...обладают гораздо большей применимостью, так как они не прикованы к какому-нибудь отдельному отношению» [11, с. 47], например, ошибка или недействительность.

Несамостоятельные, абстрактные понятия выводятся из самостоятельных путем выявления общих начал при изучении отдельных правоположений. Такой мыслительный процесс, по мнению Р. Иеринга, содержит в себе применение аналитического метода, хотя, безусловно, тут также присутствуют индуктивные умозаключения. Также аналитический метод должен был применяться и в судах, например, когда речь идет о составных правоотношениях. Здесь первоначальная задача судьи – разложить правоотношение на составные части. При этом ученый сравнивает процесс по принятию судебного решения с чтением, и если во втором случае для понимания используются буквы, то в первом – понятия [11, с. 48].

Логическая концентрация в свою очередь является, как утверждал Р. Иеринг, приемом противоположным юридическому анализу и состоит в поиске в массиве правовых положений общих правовых принципов. Р. Иеринг говорит об этом приеме как о «сжатии внешнего объема той массы правового материала, который создало положительное право» [11, с. 57]. Пример использования этого приема мы можем найти у Б. Виндшейда. Из двух постановлений SC. Velleianum, которые гласят, что необязательно поручительство женщины за другого и не обязательен заем, заключенный женщиной для другого, выводится общий принцип: необязательно не только формальное, но и материальное обязательство, заключенное женщиной для другого [6, с. 53].

Если два предыдущих приема в понимании Р. Иеринга относились к толкованию, низшей юриспруденции, то юридическая конструкция была средством высшей юриспруденции. Б. Виндшейд дает следующее определение этому методу: «Возведение правоотношений к лежащим в его основании понятиям называется конструкцией его» [6, с. 57]. Рассматривая право, как цельную логическую систему идей, независимо от вызвавших его к жизни потребностей, и обращая внимание по преимуществу на практическую осуществимость этих идей, то есть средства и способы установления, видоизменения, прекращения и защиты прав, юрист-догматик старается разложить сложные юридические явления на простейшие составные их части. Результатом такого изучения являются обычно некоторые постоянные группы сочетаний субъектов, объектов и способов установления, прекращения и защиты юридических отношений, которые, в свою очередь, поддаются дальнейшим обобщениям или, во всяком случае, расположению в системе подчиненных, соподчиненных и соотносительных понятий [12, с. 88–89]. Таким образом, решение конкретного юридического дела судьей должно зависеть от «полного уразумения юридических понятий» [6, с. 56].

Г. Пухта умело соединил юриспруденцию понятий с концепцией Народного духа. Если по представлению концептуалистов правовые положения понимаются в их системной взаимосвязи, как юридические тела, которые обуславливают и порождают друг друга, основывающиеся на внутренних принципах, в которых, в свою оче-

редь, содержится «зародыш» последующего развития права, то деятельность юриста состоит в раскрытии правовых положений, которые скрываются в Народном духе. «Юристами совместно выражается всеобщее народное убеждение», – утверждал Г. Пухта [5, с. 51–52].

Как мы видим, правовая доктрина выступала третьим источником права, так как именно она способна при помощи научной дедукции раскрыть скрытые до тех пор положения права. Можно выдвинуть предположение, что одной из целей концепции Народного духа было обоснование роли юристов в правотворчестве и правоприменении, так как во в. п. XVIII – п. п. XIX вв., во время разработки и принятия первых кодифицированных актов, законодателями производились попытки ограничить роль научного права в правоприменительной деятельности судей. Например, разработчики Прусского земского уложения планировали включить в его текст норму об уголовной ответственности за искажение текста закона научными комментариями. Но в итоговой редакции законодатель смягчил позицию и предписал судам впредь игнорировать научную литературу при отправлении правосудия [13, с. 162].

Стоит отметить, что позиции исторической школы права к к. XIX в. уже не были столь незыблемы. В к. XIX в. критике начала подвергаться субъективная теория правотолкования, например, К. Биндинг понимал правовую систему как «объективную силу», а правотолкование как деятельность, основанную не на «воле законодателя, но на «воле права», которая «находит свою выразительность в правовых положениях, являющихся частью целой системы права» (Op. cit.: [8, р. 466]). Более лаконично в XX в. выскажется Г. Радбрух: «Воля законодателя совпадает с волей закона» [14, с. 128].

Также, как было сказано ранее, юриспруденция понятий была раскритикована Р. Иерингом. При этом, мы можем с уверенностью сказать, что направлена она была не против юридической техники, а против возведения чисто теоретических разработок в абсолют. В произведении «Юридическая техника» Р. Иеринг предъявляет к юридической конструкции требование о «совпадении с положительным материалом» [11, с. 82], то есть любая юридическая конструкция должна основываться на положительном праве. А в произведении «Смешное и серьезное в юриспруденции» Р. Иеринг критикует современных ему юристов за создание юридических конструкций абсолютно не пригодных к применению на практике. Он отмечает: «Подчеркивание того, сколь велико значение формально-технической стороны права, юридической техники, полностью уживается с сознанием того, что конечной целью юриспруденции и всех теоретико-догматических исследований является практика» [15, с. 120-121]. Сохраняя за научным правом высокую роль в дальнейшем развитии права, Р. Иеринг ограничивает его правовым материалом, требованием простоты и практичности, а также целью общего блага.

Р. Иеринг, будучи первоначально ярым сторонником пандектистов и исторической школы права, в работе «Дух римского права на различных ступенях его развития» выявил связь права с Народным духом, однако не остановился на этом, «вместо расплывчатого «стремления» он поставил целенаправленную «волю» в качестве движущей силы права» [14, с. 34]. В его концепции право является результатом борьбы интересов. Идея о том, что в основе права лежит интерес, была воспринята и адаптирована для целей правотолкования, например, Э. Штампе и Ф. Хек еще в к. XIX в. предлагали использовать метод взвешивания интересов для разрешения

правовых споров в суде [16, с. 62–69]. Кроме того, «Юриспруденция интересов» Р. Иеринга оказала значительное влияние на развитие юриспруденции в п. п. XX в., так как он один из первых подверг сомнению тезис о внутренней самодостаточности и замкнутости системы права. Его влияние на немецкую юриспруденцию можно заметить в работах представителей движения свободного права, которое охватила немецкую юриспруденцию н. XIX в.

Также важный вклад в формирование новых правовых концепций в к. XX – н. XX в. внес Р. Штаммлер. Несмотря на то, что концепция Р. Штаммлера о «естественном праве с меняющимся содержанием» сыграла значительную роль в процессе «возрождения» естественного права и обновления естественно-правовых исследований в XX в. [17, с. 734–735], сам он был защитником формально-логического изучения права, независимого от политических или нравственных тенденций [18, с. 868–870]. Он не согласился с критикой Р. Иеринга в адрес пандектистов и посчитал, что она вызвана неверным предположением, что «содержание» права и его «понятие» суть две совершенно различные вещи, существующие совершенно самостоятельно» [19, с. 126–127].

Однако, по мнению Г. Радбруха, заслуга Р. Штаммлера состоит в том, что он предпринял новую попытку обосновать философию права с помощью кантианского дуалистического метода и допустил равноправное сосуществование принципов правовой ценности и правовой действительности [14, с. 36]. Однако «справедливое право» Р. Штаммлера выступает лишь в качестве формального метода оценки любого положительного права. Судьей этот метод применяется лишь когда его к нему отсылает сам законодатель, например, в выражениях «свободное усмотрение судьи», «справедливость», «добрые нравы» и пр. [16, с. 75–78] Несмотря на то, что Р. Штаммлер отстаивал логический примат права как «регулирующей формы» по отношению к социальным реалиям, его учение о справедливом праве оказало значительное влияние на школу свободного права, а также на дальнейшее развитие философии права.

Возвращаясь к критике концептуалистов, стоит отметить, что несмотря на приверженность представителей исторической школы права юриспруденции понятий при работе с правовым материалом, они не отказывались от связи права с другими социальными нормами и социальным контекстом. А. Кауфман и В. Хассемер видят эту связь в тезисе Ф. Савиньи и Г. Пухты, что основанием позитивного права является народное сознание (Op. cit.: [8, р. 467]). С такой аргументацией сложно согласиться, учитывая то, что под народным сознанием представители исторической школы права понимали не социальный контекст конкретного исторического периода, а историческую традицию, присущую конкретному народу, которая и определяет характер позитивного права. При этом идею об учете социального контекста в учении представителей субъективной теории толкования мы однозначна поддерживаем, хотя и с применением другой аргументации.

Для поддержки нашего мнения приведем цитату из учебника Г. Пухты «Курс римского гражданского права»: «Впрочем право не может, без опасения за собственную самостоятельность, оказывать помощь никакому направлению, враждебному нравственности и христианству; оно не должно опускаться до пособничества безнравственности; поэтому не может быть юридически оправдано и защищено деяние, представляющееся противонравственным. Тем менее, конечно, может само

право предписывать что-либо безнравственное и противорелигиозное. Но с другой стороны право, равнодушно относящееся к правилам нравственности и религии и изолирующееся, будет мертвым, непригодным для действительной жизни и неразумным отвлечением» [5, с. 62].

Также не стоит забывать, что Ф. Савиньи, Г. Пухта и Б. Виндшейд допускали толкование на основе общего основания, то есть на основании представлений о справедливости, а в случае сомнений между несколькими выводами из толкования, выбор должен отдаваться в пользу менее строго мнения. Стоит привести мнение К. Ларенца, который на основании учения Б. Виндшейда делает вывод, что толкование с учетом «действительного мнения законодателя» подразумевает под собой ничего более чем исправление законодательной воли в соответствии с требованием разумного или приемлемого значения правового положения [8, р. 466].

Как мы видим, в теоретических воззрениях немецких правоведов XIX в. не было столь большой конфронтации взглядов. Однако проблема абсолютизации формально-догматического метода в интерпретационной деятельности судей все-таки существовала. Лучше всего ее проиллюстрировал Э. Фукс, он дает подробный разбор ряда решений имперского суда и наглядно показывает до какой абсурдности может привести слепое следование догме права [16, с. 49-56]. Кроме того, поставленные Р. Иерингом и Р. Штаммлером теоретические и философские правовые проблемы требовали дальнейшей разработки и решения.

При этом немецкая юриспруденция XIX в. внесла значительный вклад в развитие учения о правотолковании. Ф. Савиньи привнес системный аспект в метод правотолкования, а Г. Пухта, Б. Виндшейд и Р. Иеринг усовершенствовали формально-догматический метод работы с правовым материалом. Идеи юриспруденции интересов оказали большое влияние на возрождение и переосмысление естественно-правовых концепций в XX в. Предложенный Э. Штампе и Ф. Хеком метод взвешивания интересов до сих пор используется на практике, например, Европейский суд Справедливости и Европейский суд по правам человека часто оперируют категорией интереса и в определенных случаях допускают отступление от формально-догматического толкования¹.

Список литературы

1. Аннерс Э. История европейского права. – М., 1994. – 397 с.
2. Гирке О. Естественное право и немецкое право // Савиньи Ф.К. Система современного римского права. – М., 2011. – Т. 1. – С. 15-35.
3. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. – М., 1998. – 736 с.
4. Савиньи Ф. К. Система современного римского права. – М., 2011. – Т. 1. – 510 с.
5. Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права. – М., 1874. – Т. 1. – 562 с.
6. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Общая часть. – СПб., 1874. – Т. 1. – 375 с.
7. Schröder J. The Concept and Means of Legal Interpretation in the 18th Century // Morigiwa Y., Stolleis M., Halperin J.-L. ed. Interpretation of Law in the Age of Enlightenment: From the Rule of the King to the Rule of Law. – 2011. – P. 91-105.
8. Kaufman A., Hassemer W. Enacted Law and Judicial Decision in German Jurisprudential Thought // University of Toronto Law Journal. – 1969. – Vol. 4 – P. 462-486.

¹ См., например: Дело «Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (АЕРД) и Марио Костехи Гонсалеса» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека : российское издание. М., 2015. № 2 (152). С. 124-139. ; Judgment by the European Court of Human Rights (Third Section), case of von Hannover v. Germany, Application no. 59320/00 of 24 June 2004, ECHR 2004-VI.

9. Михайлов А. М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции: XII-XIX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 203 с.
10. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности – М., 1999. – 279 с.
11. Иеринг Р. Юридическая техника. – СПб., 1905. – 105 с.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1895. – Т. 16. – 480 с.
13. Полдников Д. Ю. Нормативное значение научной доктрины и развитие частного права в германских землях до принятия германского гражданского уложения // Вестник КГУ. – 2012. – № 3. – С. 158-164.
14. Радбрух Г. Философия права. – М., 2004. – 240 с.
15. Иеринг Р. Смешное и серьезное в юриспруденции // Иеринг Р. Юридическая техника. – М., 2008. – С. 114-229.
16. Завадский А. В. К учению о толковании гражданских законов. Новейшие течения по этому вопросу в немецкой литературе (школы свободного права и др.). – Казань, 1916. – 223 с.
17. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений. – М., 2004. – 944 с.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1903. – Т. 39а. – 960 с.
19. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. – М., 1908. – 166 с.

Strunskiy A. D. The main trends in development of studies of law interpretation in the German legal doctrine of the XIX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 78-86.

The evolution of the concepts of legal interpretation in the German legal doctrine in the XIX century is considered. The works of representatives of various schools of German jurisprudence, in particular, the historical school of law, jurisprudence of concepts, jurisprudence of interests and neo-Kantianism are analyzed. The scientific literature on Russian and English languages is also examined. The main theses of various law schools on the issue of legal understanding and legal interpretation are identified, and the main methodological guidelines and methods of interpretation are examined. It points out the existing contradictions between various legal schools, especially between the jurisprudence of concepts and the jurisprudence of interests. In conclusion, the author highly appreciates the German jurisprudence of the XIX century for its great contribution to the development of the doctrine of legal interpretation and denotes the interconnection between German legal doctrine and the modern European concepts about interpretative activity of the judge.

Key words: legal interpretation, historical school of law, jurisprudence of concepts, jurisprudence of interests, neo-Kantianism, Germany, doctrine of law

Spisok literatury

1. Anners E. Istorija evropejskogo prava. – М., 1994. – 397 с.
2. Girke O. Estestvennoe pravo i nemeckoe pravo // Savin'i F.K. Sistema sovremennogo rimskogo prava. – М., 2011. – Т. 1. – С. 15-35.
3. Nersesjanc V. S. Istorija politicheskikh i pravovyh uchenij. – М., 1998. – 736 с.
4. Savin'i F.K. Sistema sovremennogo rimskogo prava. – М., 2011. – Т. 1. – 510 с.
5. Puhta G. F. Kurs rimskogo grazhdanskogo prava. – М., 1874. – Т. 1. – 562 с.
6. Vindshejd B. Uchebnik pandektnogo prava. Obshhaja chast'. – SPb., 1874. – Т. 1. – 375 с.
7. Schröder J. The Concept and Means of Legal Interpretation in the 18th Century // Morigiwa Y., Stolleis M., Halperin J.-L. ed. Interpretation of Law in the Age of Enlightenment: From the Rule of the King to the Rule of Law. – 2011. – P. 91-105.
8. Kaufman A., Hassemer W. Enacted Law and Judicial Decision in German Jurisprudential Thought // University of Toronto Law Journal. – 1969. – Vol. 4 – P. 462-486.
9. Mihajlov A. M. Formirovanie i jevoljucija idej juridicheskoy dogmatiki v romano-germanskoj tradicii: XII - XIX vv. : dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2012. – 203 с.
10. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti – М., 1999. – 279 с.
11. Iering R. Juridicheskaja tehnika. – СПб., 1905. – 105 с.
12. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. – SPb., 1895. – Т. 16. – 480 с.
13. Poldnikov D. Ju. Normativnoe znachenie nauchnoj doktriny i razvitie chastnogo prava v germanskikh zemljah do prinjatija germanskogo grazhdanskogo ulozhenija // Vestnik KGU. – 2012. – № 3. – С. 158-164.
14. Radbruh G. Filosofija prava. – М., 2004. – 240 с.
15. Iering R. Smeshnoe i ser'eznoe v jurisprudencii // Iering R. Juridicheskaja tehnika. – М., 2008. – С. 114-229.
16. Zavadskij A. V. K ucheniju o tolkovanii grazhdanskikh zakonov. Novejschie techenija po jetomu voprosu v nemeckoj literature (shkoly svobodnogo prava i dr.). – Kazan', 1916. – 223 с.
17. Nersesjanc V. S. Istorija politicheskikh i pravovyh uchenij. – М., 2004. – 944 с.
18. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. – SPb., 1903. – Т. 39а. – 960 с.
19. Shtammmler R. Sushhnost' i zadachi prava i pravovedenija. – М., 1908. – 166 с.